

Любовь - зло

18+

Андрей Захаркевич Любовь - зло

<https://litres.ru/74009096>

SelfPub; 2026

Аннотация

История стоматолога Дмитрия и монахини сестры Светланы. Первая встреча, любовь, которая ломает всё и даже самую реальность. С долей научной фантастики. Хорошего прочтения.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Зеркало для призраков	4
Глава 1 (продолжение). Белая бумага	8
Глава 1 (окончание). Дом у реки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Захаркевич

Любовь - зло

Глава

Глава 1. Зеркало для призраков

Понедельник. 7:15 утра.

Я просыпаюсь от тишины. Не от будильника — он еще не прозвенел — а от её густоты, от того, как она давит на барабанные перепонки. Так бывает, когда ты живешь один слишком долго: тишина становится материальной, как вата в ушах.

Потягиваюсь, и первая мысль, как всегда, о них. О родителях. Уже не боль, а просто фон, низкое гудение в груди, как шум холодильника, к которому привыкаешь.

Ванна. Бритва. Зеркало. В нем — лицо мужчины тридцати с небольшим, с отметинами усталости под глазами. Дмитрий Соколов. Детский стоматолог. Профессионал, которого боятся ровно на три минуты, пока не включается бормашина, а потом — любят, потому что я умею превращать боль в игру. «Доктор-зубной волшебник», — говорят дети. Если бы они знали, что никакой я не волшебник. Просто хороший

техник, который маскирует страх под улыбку.

И вот он — мой ритуал. Мой доспех.

Из шкафа достаю водолазку — плотную, угольно-черную, мягкую, как вторая кожа. Она скрывает, согревает, не дает холоду мира добраться до грудной клетки. Потом — плащ. Не медицинский халат, а именно длинный плащ из тонкой шерсти. Он не для пафоса. Он для дистанции. Когда идешь в нем по коридорам поликлиники, дети затихают, смотрят с любопытством. Ты становишься не просто доктором. Ты — персонаж.

7:55. Поликлиника 4.

Мой кабинет пахнет мятой, антисептиком и детским страхом, который, кажется, вьелся в стены. На столе — стерильные инструменты, на полке — игрушки для смельчаков. Я включаю компьютер, и мой взгляд автоматически выхватывает расписание.

10:30 — Группа из приюта «Гнездышко». Сопровождающая — сестра Светлана.

Сердце делает тихий, но чёткий толчок. Не учащается — просто сдвигается с привычной оси. Так бывает.

Мы с сестрой Светланой почти не разговариваем. Формальности: «Здравствуйте, доктор», «Ребёнок жаловался?», «Спасибо». Но есть другое. Взгляды.

Она приводит детей — тихих, опрятных, с недетской серьезностью в глазах. Стоит у двери, сложив руки на груди, в своей скромной темно-серой рясе, с белым апостольником

на голове. И смотрит. Не на детей — на меня. Её взгляд — не любопытство, не оценка. Это наблюдение. Как будто она изучает редкий вид животного, который ведет себя не по учебнику. А я ловлю этот взгляд и отвечаю тем же. Что я в нем ищу? Отражение собственного одиночества? Или наоборот — покой, которого у меня нет?

Дети её обожают. У них светлеют лица, когда она мягко кладет руку на плечо. Они называют её «сестричкой», и она улыбается — сдержанно, уголками губ, но глаза при этом становятся теплыми. Я лечу им зубы, а она стоит на страже, будто охраняет не их от боли, а меня — от чего-то внутри меня самого.

Однажды, полгода назад, я рискнул.

— Они у вас очень спокойные, — сказал я, вытирая руки.

Она чуть повернула голову.

— Их учат ценить тишину, доктор. Как и нас.

— А разве детям не положено шуметь? — спросил я, и сразу почувствовал, что перешел какую-то черту.

Она посмотрела на меня прямо. В её глазах промелькнуло что-то сложное: понимание, может быть, даже грусть.

— Шум — это суета мира. А у нас другая задача.

— Какая? — вырвалось у меня.

— Быть чистыми, — тихо ответила она и увела детей, оставив меня с этим странным, леденящим словом.

С тех пор мы иногда обмениваемся фразами. О погоде. О книгах (оказывается, она читает не только молитвослов).

О том, как Петя перестал бояться уколов. Это капельки контакта в океане молчания. Но каждая — как глоток воды в пустыне.

18:00. Дом.

Я снимаю плащ, вешаю его на вешалку. Доспех сложен. Я снова просто Дмитрий. Человек, который будет до полуночи смотреть сериалы, не запоминая сюжета, и думать о взгляде монахини в серой рясе.

Засыпая, я ловлю себя на мысли, что жду следующего вторника. Потому что в 10:30 снова будет группа из «Гнездышка». И снова — она.

Я ещё не знаю, что завтра, ровно в полдень, в моём почтовом ящике будет лежать толстый конверт с гербовой печатью. И что моя тихая, размеренная жизнь, выстроенная как карточный домик, рухнет от одного дуновения ветра из прошлого. А река, которая сейчас мирно течет за окном, уже готовит для меня свою ледяную ловушку.

Но это будет завтра. А сегодня есть только тишина, плащ в шкафу и странное, тёплое ожидание её взгляда.

Глава 1 (продолжение).

Белая бумага

Вторник начался как обычно.

Водолазка. Плащ. Дорога под низким свинцовым небом. Я даже позволил себе смутную надежду: сегодня в 10:30. Может, она скажет что-то ещё. Может, я спрошу её о той книге, которую она держала в руках в прошлый раз — старый томик Цветаевой, что ли? У монахини. Странно. Интересно.

Я зашёл в поликлинику, кивнул вахтёрше Марии Ивановне. Вращал ключ в замке своего кабинета, когда услышал за спиной:

— Дмитрий Александрович, вам.

Она протянула мне не обычную рекламную листовку, а конверт. Плотный, канцелярский. В левом углу — герб района. В правом — печать нотариальной конторы из города, которого я не вспоминал лет десять. Откуда родом мои родители. Где они и остались.

Ладонь suddenly стала холодной и влажной. Я взял конверт, поблагодарил, зашёл в кабинет, закрыл дверь. Сел в кресло, положил конверт на стерильный блестящий стол. Рядом лежали зеркальце и зонд. Смотрели на меня.

Вскрыл. Бумага хрустнула неестественно громко.

«Уважаемый Дмитрий Александрович! Настоящим изве-

щаем в связи со скоропостижной кончиной единственный наследник требуется ваше присутствие для»

Слова плясали перед глазами, сливаясь в чёрные безобразные кляксы. Было только одно, выжженное кислотой: «автомобильная катастрофа».

Я не чувствовал ничего. Абсолютно. Как будто мне сообщили, что на Марсе закончилась вода. Глухая, белая тишина внутри. Та самая, которую я так ценил по утрам, теперь заполнила всё, вытеснив даже боль.

Механически я посмотрел на часы. 8:17.

В 10:30 будет группа из «Гнездышка». Сестра Светлана.

Мысль ударила не острой болью, а как луч света в тёмную комнату. Чёткая, простая, непреложная.

Я не увижу её сегодня.

И вдруг — прорыв. Из того самого онемения, из-под белой пелены, хлынуло что-то горячее и дикое. Я не увижу её. А я хотел. Я ждал этого взгляда всю прошедшую неделю, как нищий ждёт милостыни. Я хотел спросить про Цветаеву.

И теперь не смогу. Потому что где-то там, на скользкой дороге, перестало биться два сердца, подаривших мне жизнь. Потому что я должен ехать туда, где пахнет пылью, пеплом и забытыми детскими страхами.

Я встал. Действовал на автопилоте. Позвонил заведующей, голос у меня был ровный, металлический: «Чрезвычайные семейные обстоятельства. Отпуск. На неопределённый срок». Она что-то говорила о соболезнованиях, я пробормо-

тал «спасибо» и положил трубку.

Собрал вещи. Плащ снял последним, словно разоружаясь. Сложил его в сумку — вдруг пригодится там, в деревне. Она, мысль снова настойчиво постучалась, живёт за рекой. Рядом с той деревней.

Я выхожу из кабинета. В коридоре уже движение, детский плач, смех. Жизнь, которая не остановилась. И тут я вижу их.

Она ведёт их по коридору. Пятеро детей, построенных гуськом. Впереди — рыжий Антошка, которому я в прошлый раз поставил самую маленькую пломбу в виде звезды. Она ещё не видит меня. Она смотрит на макушку Антошки, что-то ему тихо говорит. Улыбается. Тот самый сдержанный, тёплый улыбкой уголками губ.

Они поравнялись со мной. Она подняла глаза.

И всё. Всё остановилось. Шум коридора отступил, будто кто-то выключил звук. В её глазах — не ожидание приёма. В них было всё. Она увидела сумку в моей руке. Мой взгляд, который, наверное, был пустым, как выбитое окно. Мое лицо, с которого сползла профессиональная маска.

Она замерла. Ни слова. Просто смотрела. И в этот раз её взгляд был не наблюдением. Он был прикосновением. Молчаливым, безмолвным касанием самой глубины той пустоты, что во мне образовалась. Как будто она не глазами, а чем-то иным прочла ту самую чёрную бумагу у меня в груди.

Антошка дёрнул её за рукав: «Сестричка, мы опаздываем?»

Она не отвечала. Секунду. Две.

Потом её губы шевельнулись беззвучно. Я прочёл по губам: «Что случилось?»

Я не смог ответить. Кивнул. Сухо сглотнул.

— Уезжаю. Надолго, — выдавил я, и голос прозвучал чужим.

Она медленно, очень медленно кивнула. Её глаза стали ещё глубже, ещё темнее. В них промелькнуло понимание. И что-то ещё — стремительная, пронзительная вспышка страха. Не за себя. За меня.

— Бог да упокоит души усопших, — тихо, но очень внятно сказала она. И добавила, уже почти шёпотом, который я поймал только потому, что весь мир сузился до её губ: «и укрепит живых».

Потом она взяла Антошку за руку, кивнула мне на прощание — неформально, по-человечески — и повела детей дальше, в шумный коридор. Я стоял, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел ей вслед, пока серая ряса не скрылась за поворотом.

Я не спросил про Цветаеву.

Я просто уехал.

В поезде, глядя в тёмное окно, где отражалось моё бледное лицо, я думал не об аварии, не о похоронах, не о пустом доме в деревне. Я думал о вспышке страха в её глазах. И о том, что её последние слова были единственным, что отозвалось внутри меня за весь этот день. Не болью. Не утешением.

А точкой отсчёта.

Всё, что было до этого письма, — ушло. Теперь есть только путь назад, в деревню детства. И есть образ монахини на сером фоне больничного коридора, сказавшей «укрепит живых».

Как будто она знала, что живым от этого путешествия будет гораздо тяжелее, чем мёртвым.

взгляд-прикосновение, её интуитивное понимание — всё это строит мост между ними сильнее любых разговоров.

Намёк на её «знание»: Фраза «укрепит живых» и вспышка страха в её глазах — это тонкий намёк читателю. Почему она испугалась за него? Что она знает о том месте, куда он едет? Это зацепка для будущей тайны.

Глава 1 (окончание). Дом у реки

Поезд шёл шесть часов, и я просидел всё это время у окна, наблюдая, как ухоженные пригороды сменяются лесами, потом полями, потом снова лесами — всё более темными, более густыми. Будто время текло вспять, унося меня не в пространстве, а в эпоху. В ту, где не было ни плащей, ни стоматологических установок, ни тишины моей квартиры. Только запах хвои, сырой земли и детства, закончившегося слишком рано.

Деревня называлась Заречье. Потому что за рекой. Моя река.

Я вышел на полустанке, где не было даже платформы, только ржавый знак и тропинка, уходящая в чащу. Дом родителей стоял на отшибе, последним по дороге к воде. Старый сруб, почерневший от времени и влаги. Крыша местами просела. Я вставил ключ (он всё ещё вертелся в замке с детским скрипом) и переступил порог.

Запах ударил в нос — не тления, а законсервированного времени: воска, старого дерева, сушёных трав и пыли. Всё было так, будто они вышли вчера: вышитая скатерть на столе, две чашки в сушилке, календарь на стене с датой их отъезда. Они ехали в город за подарками ко дню рождения тёти, которую я уже не видел лет пятнадцать. И не увижу.

Я сел на стул у окна, выходящего на реку. Она была шире,

чем я помнил. Темная, медленная, мощная. А на том берегу, на возвышении, среди вековых сосен, белели стены и купола. Свято-Елисаветинский монастырь. Оттуда она приходила. Там она жила.

Мысль была настолько естественной, что я даже не удивился. Всё здесь, в этом доме, в этом пейзаже, говорило о ней. Тишина была не городской, пустой, а наполненной: шелестом листьев, плеском воды, криком далёкой птицы. И она, сестра Светлана, была частью этой наполненности. Её молчание было того же рода.

Первые дни ушли на дела: похороны (тихие, на маленьком кладбище за церковью), встречи с нотариусом, бумаги. Я был автоматом. Только ночью, лежа в своей старой комнате под тяжёлым стёганным одеялом, я позволял себе думать. О ней. О её взгляде в коридоре. О том, как она сказала «укрепит живых». Слова звучали в голове, как мантра.

Через неделю, когда формальности кончились и осталась только пустота, я сел за стол, достал лист бумаги и перьевую ручку отца. И написал.

«Сестра Светлана.

Вы были правы. Живым быть тяжелее. Дом стоит на берегу, и я вижу вашу колокольню из окна. Река разделяет нас, как и тогда, в коридоре. Но теперь я по эту сторону.

Д.С.»

Письмо было глупым, бессвязным, сырым. Но я заклеил конверт, надписал «Свято-Елисаветинский монастырь, сест-

ре Светлане» и отнёс на почту в соседнее село. Не надеясь на ответ. Просто чтобы бросить эту бутылку в море тишины.

Ответ пришёл через пять дней. Конверт из грубой серой бумаги, без марки — его, видимо, принёс кто-то из села. Почерк был аккуратным, угловатым.

«Дмитрий Александрович.

Река — не стена. Это зеркало. Иногда в нём видно то, что скрыто от глаз на берегу. Колокольня, которую вы видите, часто смотрит в ваше окно. Дети спрашивают про доктора-волшебника. Антошка показывает всем свою звезду.

Мир вашему дому.

С.С.»

Я перечитал письмо десять раз. «Мир вашему дому». Не «покой». Мир. Живое, текучее слово. И «зеркало». И «смотрит». Я положил письмо на стол и вышел на крыльцо. Сумерки сгущались. На том берегу в окнах монастыря зажглись огни. Один, два, пять Жёлтые, тёплые точки в синеве вечера. Я стоял и смотрел, пока не замёрз, и внутри что-то, давно сжавшееся в ледяной ком, начало потихоньку таять.

Так началась наша переписка. Медленная, осторожная, как движение по тонкому льду. Я писал о деревне, о том, как чищу печь, как нашел в сарае старые коньки. Она писала о саде, о пчёлах, о том, как учит детей вышивать. Ни слова о Боге, обетах, грехе. Только простая, почти крестьянская жизнь. Но между строк читалось другое. Её письма были полны наблюдений: о том, как меняется свет на реке к ве-

черу, о первом инее, о птичьих стаях. Она видела мир так, как видит его художник или учёный — внимательно, бережно, собирая детали. Как она видела меня тогда, в коридоре.

Мы начам встречаться. Вернее, это сложно было назвать встречами. Я приходил к мосту — старому, деревянному, скрипучему, единственной связи между берегами. Она появлялась на той стороне, шла по тропинке от монастырской стены. Мы останавливались у перил, посередине, над самой стремниной. Между нами было метров десять пустоты, наполненной шумом воды.

— Дмитрий Александрович.

— Сестра Светлана.

И всё. Иногда разговаривали, перекрикивая реку. О погоде. О том, что крышу моста надо чинить. О книгах. Она действительно читала Цветаеву. И не только. У неё под рясой, как она однажды обмолвилась, был томик Бродского. «Ибо искусство — не что, а как», — процитировала она через речной гул, и я почувствовал, как мир перевернулся. Монахиня, генная инженерия, Бродский. Головоломка, кусочки которой не складывались.

Однажды, в ясный морозный день, я спросил:

— Вам не страшно? Жить там, в стенах? Отречься от всего?

Она долго молчала, смотря на воду. Потом подняла на меня глаза. В них не было ни экзальтации, ни покоя. Была тоска. Глубокая, как сама река под нами.

— Страшно бывает только когда понимаешь, что отречься, по сути, не от чего, — тихо сказала она. — А стены они не только от мира защищают. Они и от себя.

— От какой себя? — не удержался я.

Она покачала головой, и на её губах мелькнула та самая, сдержанная улыбка.

— Это уже следующий вопрос, доктор. А у меня обедня.

Она развернулась и ушла, серая фигура растворилась в белизне снега и монастырской стены. Я остался стоять на мосту, и меня била крупная дрожь. Не от холода.

Зима крепчала. Река схватилась льдом, но под ним чувствовалось мощное, неостановимое движение. Письма приходили чаще. В её последнем было: «Лёд только кажется прочным. Он помнит, что он — вода. Будьте осторожны на мосту». Я воспринял это как поэтическую метафору.

Я ошибался.

А потом пришла оттепель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.